

«СВОЙ» КРИМ?

«Какая тут жизнь, нет уж, поедимте домой», – до такого висновку прийшов москвит Васілій Белов, погостювавши в кримському Гурзуфі у будинку видатного російського художника Константина Коровіна, про що той згодом розповів у біографічному оповіданні «Свое». Варто познайомитись з цим невеличким текстом. Напрочуд повчальним і актуальним.

Василий Харитонович Белов, маляр в моей декоративной мастерской при императорских театрах, человек был особенный, серьезный. Лицо в веснушках. Смолоду был у меня, служил в солдатах и опять вернулся ко мне. Василий Белов был колорист – составлял тона красок, и я ценил в нем эту способность.

В Крыму у меня был дом в Гурзуфе, хороший дом, большой, на самом берегу моря. И много друзей приезжало ко мне. И вот на отпуск поехал со мной Василий Белов. Очень ему хотелось увидеть, где это море и что за море такое есть. Хороший дом был у меня в Гурзуфе: сад, кипарисы, персики, груши, виноградные лозы обвивали дом, и самое синее море около шумит. Краса кругом. «Брега веселые Салгира»... Приехали. Но Василий Белов ходит, смотрит что-то невеселый.

– Ну, что, говорю, Василий Харитоныч, море как тебе, нравится?

– Ничего... – отвечает Василий, – только чего в ем...

– То есть как это? – удивился я. – Не нравится тебе?

– Так ведь што, – отвечает он задумчиво, – а какой толк в ем, нешто это вода?

– А что же? – удивился я.

– Э-эх... – вздохнул Василий, – ну и вода. Соль одна, чего в ей. Вот у нас на Нерле – вода. На покосе устанешь, жарко летом, прямо пойдешь к речке, ляжешь на брюхо

на травку и пьешь. Вот это вода... Малина! А это чего, тошнота одна...

– Василий, – говорю, – посмотри какая красота кругом... Горы, зелень...

– Чего горы! – говорит Василий. – За папиросами в лавочку идешь – то вниз, то кверху. Чего это? Колдобина на колдобине... Нешто это земля? Камни накоржены тудысюды. А у нас-то, эх... р-о-овно, вольно. А тут чисто в яме живут. Море... Чего в ем есть? Рыба – на рыбину не похожа, камбала, морда у ней на одну сторону сворочена, хвоста нет, чешуи нет. Сад хорош, а антоновки нету, лесу нету, грибов нету...

– Да что ты, Василий, – здесь же персики и виноград растут. Ведь это лучше...

– Кружовнику нет... – сказал задумчиво Василий.

– Как нет? Виноград же лучше крыжовника!

– Ну, што вы. Н-е-ет, у нас кружовник, который красный, который желтый... Кружовник лучше...

– Да ты что, Василий Харитоныч, нарочно, что ли, говоришь?

– Чего нарощно, верно говорю. Татарам здесь жить ничего еще, чего у них утром – выйдет и кричит ла-ла-ла-ла... А у нас у Спаса Вепрева выйдет дьякон отец Василий да «многая лета» ахнет – ну, голос! Паникадило гаснет! А это што – море... а пить нельзя. Купаться тоже пошел –

как меня в морду хлестанет – волна, значит, – прямо захлебнулся и колени ушиб. У нас-то в реке песок, на берегу травка, а тут везде камень – боле ничего.

Я смотрел на Василия, он удивлял меня.

– Тебе, значит, – говорю, – здесь не нравится?

– А здесь здесь хорошего? Тут горы, а тут море. А земли нет. А у нас идешь-идешь, едешь-едешь, конца-краю нет... Вот это я понимаю. А тут што: поезжай по дороге – все одно и то же, и дорога одна, боле и нет.

– Ну, а что же все-таки тебе здесь нравится? – озадаченно спросил я у Василия Белова.

– А вам чего тут нравится? – спросил он меня, не ответив. – Чего нравится тут? Калачей нету, это не Москва.

– Вот дыни у меня растут, – говорю я. – Ел ты, хороши ведь дыни!

– Хороши... – сознался нехотя Василий, – только наш весенний огурец, с солью да с черным хлебом, мно-о-ого лучше.

– Ну, а шашлык?

– Хорош, а наша солонина с хреном много лучше...

«Что такое?» – думаю я.

– Ну, а черешни? – спрашиваю.

– Э-э-э... куда черешне до нашей вишни владимирской...

Погодить надо... Шпанская...

Я растерялся и не знал, что сказать.

– Ежели бы горы сравнять, – продолжал Василий, – тогда туды-сюды. А то што это? Да и зимы здесь нет, и вино кислое. А у нас – кагор, наливки...

– Постой, постой! – говорю я. – Здесь – мускат...

– Мускат... Это ежели патоку пить, она еще слаще... Это не вино. Мне вчера Асан, вот что к вам приходил, татарин, дак он мне говорил: «Мы, – говорит, – вина не пьем, закон не велит». Им Мугомет, пророк, только водку пить велел, а ветчину, свинину нипочем есть нельзя. Татары на-

род хороший, как мы. Только, ежели сказать ему: «Свиное ухо съел», – ну и шабаш... Тогда тебе больше здесь не жить, обязательно убьют или в море утопят...

– Это кто же тебе сказал?

– Асан. И из-за этого самого раньше сколько воевали – страсть. С русскими воевали. Русские, конечно, озорные есть... Придут вот на край горы из Расеи и кричат вниз, сюды, к им: «Свиное ухо съел...» Ну, и война...

– Это тоже Асан тебе рассказал?

– Да, он говорил. Он в Москву ездил, дык говорит, што у нас там девки хороши, у них нет таких-то... Это верно. Што тут: какие-то желтые, худые. Идет с кувшином от колодца, воды наберет пустяки... А у нас, наша-то, коромысло несет, два ведра на ем, а сама чисто вот маков цвет. А зимой наши девки все, от снегу, што ли, чисто сметана – белые... и румянец, как заря, играет... Покажи вот палец – смеются, веселые. А здесь брови красют, ногти, глядеть страшно. Наши на всех глаза пялют, а здесь попробуй – глядеть нельзя, а то секир-башку. Строго очень... Тут и травы нет ничего...

Овец-то за горы гоняют, к нам. А то чего здесь? Сел я третева дня у дорожки, на травку, – вот напоролся: она чисто гвозди железные, хоть плачь. Наши-то здесь говорят: «Мы, – говорят, – на Илу ездим, вино там пить, трактор есть. Чай, ши, хлеб черный, ну и место ровное, хорошо. Видать дале-е-е-еко...» Да и куда видать, и чего там и не весть. Далее-е-еко!.. Какая тут жисть, нет уж, поедемте домой, – сказал мрачно Василий Харитоныч, – тут и дождика-то нет...

Ну что скажешь на это?

І справді: навіщо росіянам Крим?..

На оповідання «Свое» звернув увагу
Олег К. РОМАНЧУК

